

Н. С. Громова

Екатеринбург, Россия

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ: ОТ КОММУНИКАТИВНЫХ ОШИБОК ДО ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В статье рассматриваются особенности речевой агрессии в современных условиях коммуникации. Выделяются неосознанный и осознанный виды речевой агрессии. Неосознанная речевая агрессия, провоцируемая низким уровнем культуры коммуникантов, невозможностью управлять своим поведением в эмоционально сложной ситуации и неумением предвидеть коммуникативные последствия, выступает как первичная форма в сознании индивида, провоцирующая существование в дальнейшем осознанной речевой агрессии различного уровня общественной опасности. В исследовании выделяются и рассматриваются три вида такой агрессии: компенсаторная, игнорантная, окказиональная. Осознанное же использование конфликтогенных текстов может иметь различные субъектные установки: от коммуникативно необходимых до идеологически обусловленных. Это и определяет ее деление также на три вида (коммуникативный, социальный, идеологический), содержание которых анализируется с позиции целевых установок адресанта. Отмечается, что не все проявления речевой агрессии можно считать правонарушением, поскольку часть коммуникативных стратегий предполагает использование элементов агрессивного поведения в процессе общения, не несущего общественной опасности. Устанавливаются различия между собственно выражением оскорбления и его идентификацией в качестве правонарушения. При этом особого внимания заслуживает коммуникация, которая представляет собой общественную опасность и наносит ущерб как социуму в целом, так и его отдельным представителям. Исследуется взаимосвязь между формой выражения агрессии в речи индивида и степенью общественного вреда: от оскорбления до вербального экстремизма. Актуализируется особая роль в процессе интерпретации текста адресата, который выступает не только пассивным объектом агрессии со стороны автора текста, но и активным интерпретатором, от способностей которого зависит результат коммуникативного процесса.

Ключевые слова: речевая агрессия, виды речевой агрессии, вербальный экстремизм.

Сведения об авторе: Наталья Сергеевна Громова, кандидат филологических наук, доцент кафедры государственно-правовых и социальных дисциплин Уральского института коммерции и права. 620075, Екатеринбург, ул. Луначарского, д. 81. E-mail: gromovans@mail.ru

N. S. Gromova

Ekaterinburg, Russia

VERBAL AGGRESSION: FROM COMMUNICATION ERRORS TO THE OFFENCE

*The article deals with the peculiarities of verbal aggression under modern conditions of communication. It states unconscious and conscious types of verbal aggression. Unconscious verbal aggression provoked by the low level of culture of communicants, inability to control their behavior in an emotionally demanding situation and the inability to foresee the consequences of communication acts as the primary form in the mind of the individual, provoking the existence of further deliberate verbal aggression of different levels of social danger. The study outlines and discusses three types of such aggression: compensatory, ignorant, and occasional. Conscious use of the contentious texts may have a different subjective position: from the communication necessary to ideologically driven. This also determines its division into three types (communicative, social, ideological), the content of which is analyzed from the perspective targets of the sender. It is noted that not all manifestations of verbal aggression can be considered an offence, as part of communication strategies involves the use of elements of aggressive behaviour in the process of communication, not carrying public danger. There are differences between the expression of insults and their identification as *анубрать!* offense. Thus *теубрать!* special attention should be paid to such communication, which is a public danger and is detrimental both to the society as a whole and its individual members. The article explores the relationship between the form of expression of aggression in the speech of the individual and the degree of public harm from insults to verbal extremism. A special role in the process of interpreting the text of the addressee is actualized, which is not only a passive object of aggression on the part of the author of the text, but also an active interpreter, on whose abilities depend the results of the communication process.*

Key words: verbal aggression, the types of verbal aggression, verbal extremism.

About the author: Natalia Sergeevna Gromova, Candidate of Philological Sciences, associate Professor of the Chair of Public Law and Social Disciplines of Ural Institute of Commerce and law. Ul. Lunacharskogo 81, Ekaterinburg, 620075. E-mail: gromovans@mail.ru.

Речевая деятельность индивида представляется достаточно сложным и многогранным феноменом, не только отражающим личностно-психологические особенности коммуникантов, но и указывающим на степень развития всего общества в целом. Взаимосвязь речевой деятельности и физических действий человека обуславливает интерес к сфере коммуникации

со стороны как лингвистов, так и представителей иных научных направлений: социологов, психологов, юристов и др. Поведение человека в коммуникативном поле регламентируется не только морально-нравственными нормами или законами построения речи, но также нормами права и действующими законами государства.

Коммуникация как сфера правовых интересов граждан и государства уже давно стала объектом изучения юрислингвистики, поскольку без привлечения лингвистов невозможно рассмотрение правовой сути дел об оскорблениях, клевете, диффамациях, экстремизме. В современных российских законах появляется достаточно много терминов, требующих лингвистической интерпретации: публичное оправдание, возбуждение розни, пропаганда, подстрекательство и ряд других. В лингвистических же исследованиях распространяются понятия, которые невозможно идентифицировать без юридических знаний: вербальный экстремизм, речевое преступление, речевая агрессия и прочие. Так, необходимость комплексного изучения речевой деятельности и возможных ее последствий для индивида и общества обуславливает привлечение юрислингвистического инструментария для анализа конкретных коммуникативных фактов.

Рост социальной напряженности и агрессивности среди населения влияет на трансформацию современных правил коммуникации и ее переход в поле, ранее относимое к законодательно запрещенной деятельности. С развитием конституционных принципов свободы слова и сокращением цензуры в СМИ меняется отношение к средствам выражения мыслей: выбор лексем зависит от целевой установки автора, а не от ожиданий адресата. Популярность различных социолектов и нецензурной лексики в молодежной среде приводит к изменению внешней формы сообщений. При этом особую проблему в рамках нестабильных общественных отношений и информационных провокаций представляют политически и социально маркированные тексты. Как отмечает Л. М. Голиков, «потенциально конфликтными являются различного рода знаковые материалы, посвященные

вопросам отношений различных этносов, рас, конфессий, социальных групп и т. п.» [Голиков 2014]. Так, изменения, которые происходят в общественном сознании, все отчетливее отражаются в коммуникативном пространстве.

В данной работе мы обратимся к анализу речевой агрессии, что представляется наиболее актуальным в рамках активизации научного интереса в сфере профилактики речевых правонарушений и противодействия информационному манипулированию. Опираясь на методы терминологического анализа и синтеза, мы определим границы понятия «речевая агрессия» и проанализируем его особенности с позиции уровня общественной опасности деяний индивида в коммуникативном пространстве.

Исследованием данного феномена занимаются такие ученые, как Т. А. Воронцова, Л. В. Енина, Е. В. Какорина, Г. А. Копнина, Н. А. Купина, Л. М. Майданова, Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская, А. П. Сквородников, Е. Г. Соболева, И. А. Стернин, Ю. В. Щербинина и ряд других. Под речевой агрессией в общем смысле понимают «форму речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [КРР 2011: 562].

Исследуя феномен речевой агрессии, ученые чаще обращают внимание на крайние ее формы, связанные с осознанным нарушением прав оппонента в процессе конфликтогенной коммуникации или манипулятивным характером действий субъекта коммуникации. Однако нам представляется, что речевая агрессия имеет более сложную структуру и ее репрезентация может быть связана не только с правонарушением, но и с неосознанным нарушением правил речевой коммуникации, не выходящим за границы правовой свободы индивида.

Можно говорить о трех особенных видах речевой агрессии, которые имеют как межличностные, так и социальные предпосылки и выражаются в ущемлении прав отдельных лиц и в угрозе безопасности всему обществу в целом. Как отмечает Ю. В. Щербинина, «недостаточная осознаваемость <...> собственного речевого поведения в целом и в частности агрессивных

компонентов в нем» может выступать причиной речевой агрессии [Щербина 2001: 42–54]. Эти факторы, как правило, остаются за гранью научного интереса, поскольку данный вид имеет неосознанный характер, исключая тем самым возможность целенаправленной профилактики возможных правонарушений, так как с точки зрения адресанта не представляет речевой агрессии, но фактически может ее содержать. Индивид не предполагает и не может предполагать негативных последствий коммуникативного акта, которые закономерно наступают под воздействием обстоятельств процесса коммуникации. Однако именно эти факторы должны рассматриваться как первичная форма существования речевой агрессии в сознании индивида, и требует приоритетного противодействия им как возможной причине всех видов осознанного агрессивного речевого поведения. Формально подобные проявления невозможно или очень сложно квалифицировать в качестве правонарушения в силу того, что они содержательно не выходят за пределы ст. 29 Конституции РФ.

Первый вид – компенсаторная агрессия – выражается в замене реальных действий речевыми, предполагающими при этом возможную субституцию объекта агрессии. Человек в состоянии аффекта или просто излишнего эмоционального возбуждения может нарушить нормы коммуникативного поведения и выступить в качестве агрессора, ущемляющего права окружающих, но не желающего причинить им вред и даже не предполагающего, что это может произойти. Этот вид актуализируется в психологическом поле автора текста, выступая как форма психологической разрядки, самозащиты или способ построения коммуникативного барьера. Например, после ссоры с начальником подчиненный, покинув его кабинет, использует нецензурную лексику с целью эмоциональной разрядки, а не чтобы оскорбить секретаря, сидящего за дверями. Будь данный человек еще менее воспитан, он хлопнул бы дверью, бросил бумаги и т. д. Физическим действием данный индивид мог бы выразить свое эмоциональное состояние, однако в силу определенных условностей он оказался на это не способен, что

заставило его компенсировать затраченные эмоциональные усилия использованием пейоративной лексики. Возможна и обратная ситуация: подчиненный на совещании разозлил руководителя, но тот не желает демонстрировать свое раздражение в присутствии окружающих и позднее кричит на секретаря, сменив объект агрессии.

Подобный вид можно считать достаточно распространенным в бытовом плане. Многие авторы отмечают, что речевая агрессия имеет компенсирующие функции, замещая физическую. Некоторые даже предполагают, что это имеет положительный эффект, однако не учитывают общественного резонанса. Например, после неудачной попытки подать заявление на получение социальной помощи добропорядочный гражданин публично негативно выскажется о чиновниках и даже отметит собственное желание наказать их не по закону, сопровождая свои высказывания общими негативными характеристиками социальной группы. Такое спонтанное поведение, не предполагающее дальнейших действий и обусловленное исключительно эмоциональным напряжением, может быть использовано в дальнейшем как экстремистский призыв, растиражированный СМИ и вызвавший общественное недовольство в отношении органов государственной власти. Субъект агрессии в данном случае не является правонарушителем, однако его действия могут выступить в качестве катализатора социального недовольства. Именно поэтому такой вид речевой агрессии тоже представляет серьезную общественную опасность и граничит с экстремистским преступлением.

Другим вариантом неосознанной агрессии можно считать игнорантную. Носитель языка нарушает нормы культуры речи, а заодно и права, по причине элементарной неграмотности. Оскорбление здесь представляет собой не продуманную форму ущемления прав оппонента или коммуникативную стратегию, а единственный доступный способ общения. Например, в процессе защиты дипломной работы, отвечая на вопросы аттестационной комиссии, студент использует нецензурную лексику, которая может быть воспринята как

выпад в сторону преподавателей. Нужно понимать, что, скорее всего, он это делает неосознанно, когда не способен подобрать нужное слово, замещая паузы в силу невысокой собственной культуры по привычке знакомыми словами-паразитами.

Иногда ситуация имеет иной характер: автор текста обладает высокой культурой, однако адресат не обладает необходимым кругозором, что затрудняет процесс интерпретации содержания сообщения. Так, цитата из «Бородино» М. Ю. Лермонтова, вырванная из контекста, вполне может быть расценена как экстремистский лозунг: «Французы тут как тут. Забил заряд я в пушку туго. И думал: угощу я друга!».

Еще один вариант – окказиональная агрессия, когда роль автора текста сводится практически к нулю, однако на восприятие сообщения оказывают сильное влияние внешние факторы или смена дискурсивной парадигмы. Если говорить о проявлении этого вида, то уместно обратиться к эпатажному поведению современных публичных лиц из сферы развлечений. Например, юмористические зарисовки в шоу «Comedy Club» часто содержат нецензурную лексику и прямые оскорбления как в адрес партнеров по выступлению, так и в адрес присутствующих в зале людей. Участники шоу и лица, являющиеся постоянными зрителями, понимают особенности общения и для них это не является чем-то, выходящим за рамки приличий, однако человек, впервые обратившийся к творчеству данных актеров или увидевший цитату из телепередачи, возможно, будет шокирован и воспримет это в качестве оскорбления. Именно так произошло с резонансным выступлением Павла Воли в ноябре 2016 года, когда его юмор не оценили жители города Екатеринбурга, посчитав это оскорблением.

Рассмотренные виды неосознанной речевой агрессии не могут быть выявлены в текстах, изначально подразумевающих предварительную подготовку, проверку или являющихся частью профессионального дискурса. Например, подготовка квалифицированного журналиста предполагает определенный уровень мастерства при владении словом и четкое осознание

последствия публичного высказывания, что не снимает с него ответственности за факт речевой агрессии в процессе делового общения. Это представляет собой особый вид правонарушений и регламентируется профильным законодательством. И наоборот, человек, который не обладает специальными знаниями в сфере коммуникации, может допустить двусмысленное высказывание, сам того не осознавая. Такой факт будет квалифицирован скорее как коммуникативный просчет, нежели как запланированная провокация или агрессия. Необходимо подчеркнуть разницу в цитировании с неожиданным для автора текста результатом (неправильно употребленное или не понятое) с целенаправленным оскорблением, используемым в публичной речи. Так, прецедентное использование цитаты «Прощай, немытая Россия» М. Ю. Лермонтова в публичной речи украинского президента П. Порошенко в июне 2017 года, явно не свидетельствует о случайности выбора, что указывает на осознанность действий автора текста.

Речевая агрессия, в отличие от ее неосознанных проявлений, в научной парадигме также понимается в узком смысле как круг разнообразных коммуникативных действий, степень общественной опасности которых имеет различный характер. В связи с этим можно выделить три ключевых понимания и, как следствие, три вида осознанной речевой агрессии.

Первый вид – коммуникативная агрессия, которая предполагает нарушение коммуникативных и этических норм в процессе общения между индивидами как единичными субъектами коммуникации. В этом случае агрессия осознанно эксплицитно или имплицитно направлена на конкретного человека вне зависимости от его принадлежности к какой-либо группе и продиктована исключительно условиями текущей коммуникации. Так, речевую агрессию можно рассматривать как «обидное общение; словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Щербинина 2004]. Данный вид предполагает ущемление коммуникативных прав личности, обычно без нарушений действующего законодательства. С исключением из

Уголовного кодекса РФ статьи 130 унижение чести и достоинства человека в неприличной форме не является преступлением и наказывается только наложением административного штрафа.

Примером может служить дискуссия в процессе политических дебатов, когда участники часто эксплицитно осознанно выражают агрессию по отношению друг к другу, не скрывая своей конфронтации, однако за рамками заданной коммуникативной ситуации они способны вести вполне конструктивный диалог с соблюдением всех этических канонов. Характеризуя особенности жанра интервью, Е. Н. Басовская также отмечает, что это «эксплицитно выраженная оппозиционность говорящего по отношению к собеседнику» [Басовская 2004]. В данном случае мы говорим о субъектно-объектном характере коммуникативных отношений, указывающих, как отмечает Коряковцева, на «некооперативный тип общения с адресатом (прагматический вектор)» [Коряковцева 2008]. Стоит понимать, что подобная агрессия редко воспринимается участниками как ущемление их собственных прав, поскольку, вступая в подобную коммуникацию, они принимают ее правила. Уровень речевой агрессии определяется типом темперамента человека, его психическим состоянием в момент общения и степенью напряженности конкретной коммуникативной ситуации.

Противоположным примером будет имплицитная агрессия, когда один из участников подвергается скрытому негативному воздействию в процессе коммуникации. Например, так называемый троллинг в Интернете, когда автор текста осуществляет провокации, стараясь самоутвердиться, дискредитировать оппонентов или искусственно разжечь дискуссию с целью привлечения внимания к сообщению или форуму в целом. По мнению Р. А. Внебрачных, троллинг является формой «агрессивного и оскорбительного поведения» [Внебрачных 2012: 48]. Необходимо согласиться с тем, что указанный вид речевых провокаций является агрессией, его отличием от предыдущего примера можно считать скрытость авторских целей: участники общения, как правило, не сразу понимают, что общаются с

«троллем». Попытки искать аргументы, строить диалог не приводят к положительным результатам – «тролль» проявляет агрессию по отношению к любым иным точкам зрения, и общение сводится к нарушению коммуникативных прав оппонента. Стоит отметить, что прекращение коммуникации также приводит к прекращению агрессии. «Тролль», как правило, не имеет никаких личных претензий к оппонентам по коммуникации, он использует особый вид агрессивного общения из личностно-психологических или экономических побуждений.

Таким образом, основным поводом для первого вида агрессии выступает специфика коммуникативного процесса: изначальная предзаданность агрессивного фона общения. Речевая агрессия здесь является окказиональным ущемлением прав одного или обоих участников коммуникации, с ее завершением прекращается и акт агрессии, поскольку не поддерживается никакими внешними условиями и субъект агрессии не предполагает никакого пролонгированного действия. При этом в процессе общения происходит нарушение, в основном, норм культуры речи, а не правовых норм. Оскорбление в данном случае мы не можем отнести непосредственно к правонарушению, поскольку только сам факт его идентификации в качестве унижающего честь и достоинство личности высказывания и обращение в правоохранительные органы выступает основанием для установления состава правонарушения. Традиционно признаваемая оскорбительной форма, следовательно, не передает идентичного содержания и является частью коммуникативного процесса наравне с другими элементами, принимаемыми участниками общения в качестве возможных, то есть не нарушающих их прав.

Второй вид – социальная агрессия. Под речевой агрессией здесь будет пониматься «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [СЭСРЯ 2011]. Также в работе Г. А. Копниной акцентируется внимание на ориентацию адресанта на намеренное причинение вреда человеку [Копнина 2002: 254]. Цель использования средств агрессии принципиально

меняется – нанесение морального или материального ущерба оппоненту, его репутации и провоцирование определенных социальных последствий. Именно на социальные последствия обращает внимание З. Б. Баучиева: «это агрессивное вербальное поведение, которое нарушает межличностное общение, приводит к противостоянию между оппонентами, провоцирует социальные конфликты» [Баучиева 2015: 389–396.]. При такой интерпретации на первый план выходит уже осознанное стремление ущемить права отдельного индивида не только в коммуникативном поле, но и за его пределами. В этом случае использование речевой агрессии продиктовано желанием воздействовать на слушающего, причинить ему вред. Если, анализируя особенности предыдущего вида, мы говорили о возможности ведения агрессивных действий со стороны обоих участников без каких-либо реальных последствий, то здесь речь идет о желании создать эти реальные негативные последствия для одного из участников.

В случае подобной агрессии субъект, совершая действия против объекта, имеет некоторый личный интерес, он целенаправленно ущемляет права оппонента на основании его индивидуальных характеристик, наличие которых вызывает недовольство у агрессора. Личная неприязнь определяется субъективными факторами, выходящими за пределы коммуникативного пространства. Если при троллинге автору текста чаще всего не интересны личности оппонентов, он ищет возможные пути воздействия на них в процессе коммуникации, то здесь личность оппонента имеет первостепенное значение для начала самой коммуникации.

В качестве примера рассмотрим оскорбление, о котором шла речь выше. В данном случае оно воспринимается оппонентом не как нарушение коммуникативных норм, а как ущемление личных прав.

Так, этот вид представляет собой намеренное нарушение прав лица как отдельного субъекта права, что связано с нарушением действующего законодательства. В эту категорию можно отнести оскорбление, клевету, диффамацию и пр.

Третий вид – идеологическая агрессия. Этот вид представляется возможным соотнести с понятием «вербальный экстремизм». Ключевой задачей автора текста становится формирование определенной идеологии, которая бы обосновывала ущемление прав лица или группы лиц и призывала бы к осуществлению противоправной деятельности в отношении них. Речевая агрессия представляется не как личностно ориентированный акт, а как общественно опасное деяние, связанное с посягательством на основы конституционного строя. В частности, ущемление прав группы лиц, объединенных по религиозному, социальному, этническому, национальному, идеологическому и иным признакам. Данный вид характеризуется не разовым злоупотреблением правами со стороны агрессора, а формированием устойчивого отрицательного образа «врага» вне зависимости от его реальных характеристик с целью перманентного дальнейшего нарушения прав лиц, попадающих в указанную категорию. Используя определение А. П. Сковородникова, можем сказать, что в ходе речевой агрессии применяется «вербальное воздействие на адресата, имеющее целью изменение его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т. д.) или поражение в полемике – в пользу адресата» [Сковородников 1997: 14].

Доминантой данного вида является взаимосвязь речевой и физической деятельности. А. А. Попова исследует побудительный потенциал речевой агрессии, отдельно отмечает, что она «манипулирует мыслями и поступками людей, побуждает их к действию» [Попова 2015: 697–700]. В работе Л. М. Майдановой также анализируется призыв адресата к агрессивным действиям против предмета речи [Майданова 1997: 9–13]. Именно монолитность диады «слово – дело» выступает принципом организации агрессивного текста. Призыв к осуществлению агрессивной деятельности может быть выражен как эксплицитно, так и имплицитно. Первый тип текстов встречается значительно реже, так как по сути представляет собой экстремистские материалы, в которых присутствуют признаки разжигания розни, инвективная или пейоративная лексика в отношении аутгрупп или их

представителей, призывы к совершению противоправных действий, распространены идеи «отрицания, уничтожения (разрушения) определенной социальной группы» [Злоказов 2013: 216]. Тексты с имплицитным содержанием внешне отличаются от запрещенных материалов, и содержат чаще не агитацию, а пропаганду. Опираясь на классификацию М. А. Осадчего, отметим, что в текстах присутствует косвенный или скрытый призыв [Осадчий 2007]. Второй тип в последнее время значительно активизировался, особенно на фоне возможностей интернет-коммуникации: анонимность общения позволяет значительно расширить круг потенциальных объектов манипулирования и одновременно распространить информацию среди большого количества разнородных пользователей.

Данный вид представляет собой целенаправленное использование фактов речевой агрессии с целью ущемления прав оппонента или их группы, основанное на имеющихся у субъекта агрессии стереотипических или идеологических убеждениях вне зависимости от конкретной деятельности объекта агрессии. К этой категории можно отнести как проявление вербального экстремизма, так и речевую репрезентацию личной неприязни субъекта агрессии в отношении лица, принадлежащего к определенной социальной группе. Существование такого вида агрессии обусловлено не особенностями конкретного индивида, а его принадлежностью к группе лиц, обладающих каким-то негативным качеством, по мнению субъекта агрессивного поведения. Это общественно опасное деяние, которое может быть самоцелью автора текста (незамедлительное агрессивное поведение) или частью более длительной пропагандистской стратегии (сформировать идеологические обоснования для будущих агрессивных действий).

В результате, классифицировав имеющиеся определения речевой агрессии и формы ее проявления, можем отметить следующее: в ходе коммуникации лицо может проявлять речевую агрессию по отношению к оппоненту, ущемляя его права как отдельной личности или представителя определенной группы, что может стать причиной возникновения фактов

вербального экстремизма или условий для формирования идеологических оснований нарушения общественной безопасности.

При этом конфликтогенный текст, выражающий субъективную оценку автора, а не призыв к противоправным действиям или оскорбление лица, является чисто лингвистической категорией и может рассматриваться только с позиции нарушения норм культуры речи, а не норм права. В таком случае речевая агрессия станет угрозой психологической безопасности участников коммуникации, но никак не перейдет в категорию правового противостояния между ними.

Подводя итоги, отметим, что речевая агрессия представляет собой две формы выражения: неосознанную и осознанную. Первый вид редко идентифицируется как агрессивное поведение участника коммуникации, поскольку его негативное воздействие определяется большим количеством внешних факторов, влияющих на результаты общения. Недостаточный уровень культуры, невозможность управлять своим поведением в эмоционально сложной ситуации и неумение предвидеть коммуникативные последствия – все это является недостаточной коммуникативной компетенцией индивида. Однако именно это позволяет укорениться в сознании индивида речевой агрессии как возможной форме коммуникации, создавая в дальнейшем предпосылки для осознанного нарушения этических и правовых норм. Необходимо отметить, что далеко не все проявления речевой агрессии можно считать правонарушением, поскольку часть коммуникативных стратегий предполагает использование элементов агрессивного поведения в процессе общения, не несущего общественной опасности. В противовес этому существует коммуникация, представляющая собой большую или меньшую степень общественной опасности и наносящая ущерб как социуму в целом, так и его отдельным представителям. Таким образом, установление причин нарушения коммуникативных норм и целей субъекта речевой агрессии должно быть ключевым условием идентификации речевого деяния в качестве противоправного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Басовская Е. Н.* Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации. Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 257–263.
2. *Баучиева З. Б.* Речевая агрессия и пути ее преодоления. Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. С. 389–396.
3. *Внебрачных Р. А.* Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах. Вестник Удмуртского университета. Сер. «Философия. Социология. Психология. Педагогика». 2012. № 1. С. 48–51.
4. *Голиков Л. М.* Семиотика экстремистского текста. Уголовный процесс. 2014. № 7. С. 66–69.
5. *Злоказов К. В.* Экстремистский текст и свойства личности. Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 215–225.
6. *Копнина Г. А.* Этическая норма и проблема речевого манипулирования. Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. М., 2003.
7. *Коряковцева О. А.* Особенности реализации государственной молодежной политики в постсоветской России. Ярославль, 2008.
8. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М., 2011.
9. *Майданова Л. М.* Агрессивность и речевая агрессия. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997. С. 9–13.
10. *Осадчий М. А.* Использование лингвистических познаний в расследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 Уголовного кодекса РФ. Юридический консультант. 2006. № 12. С. 18–23.
11. *Попова А. А.* Речевая агрессия в СМИ как способ манипулирования сознанием человека. Молодой ученый. 2015. № 14. С. 697–700.
12. *Сковородников А. П.* Языковое насилие в современной российской прессе. Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. 1997. Вып. 2. С. 10–15.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2011.
14. *Щербинина Ю. В.* Русский язык: речевая агрессия и пути ее преодоления. М., 2004.
15. *Щербинина Ю. В.* Методы диагностики речевой агрессии. Прикладная психология и психоанализ. 2001. № 3.

REFERENCES

1. Basovskaya E. N. Creators of black-and-white reality: on verbal aggression in the media [Tvortsy cherno-beloy realnosti: o verbalnoy agressii v sredstvah massovoy informatsii. Kritika I semiotika]. Criticism and semiotics. 2004. Vol. 7. P. 257–263.

2. Bauchiev Z. B. Verbal aggression and ways of its overcoming [Rechevaya agressia I puti eio preodoleniya. Sovremennye problem nauki i obrazovania]. Modern problems of science and education. 2015. № 2-1. P. 389–396.

3. Vnebrachnyh R. A. Trolling as a form of social aggression in virtual communities [Trolling kak forma sotsialnoy agressii v virtulnyh soobshchestvah. Vestnik Udmurtskogo universiteta]. Bulletin of Udmurt University. Ser. «Philosophy. Sociology. Psychology. Pedagogy». 2012. № 1. P. 48–51.

4. Golikov L. M. Semiotics of extremist text [Semiotika ekstremistskogo teksta // Ugolovniy protsess]. Criminal trial. 2014. № 7. P. 66–69.

5. Zlokazov K. Extremist text and the properties of the personality [Ekstremistskiy tekst I svoystva lichnosti. Politicheskaya lingvistika]. Political linguistics. 2013. № 3. P. 215–225.

6. Kopnina G. A. Ethical standards and the problem of speech manipulation [Eticheskaya norma I problema rechevogo manipulirovaniya. Rusistika na poroge XXI veka: problem I perspektivy]. Russian studies on the threshold of XXI century: problems and prospects. 2003.

7. Koryakovtseva O. A. Features of [implementing](#) of the state youth policy in post-Soviet Russia. [Osobennosti realizatsii gosudarstvennoy molodyozhnoy politiki v postsovetskoj Rossii] Yaroslavl, 2008.

8. Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary [Kultura russkoy rechi: entsiklopedicheskiy slovar-spravochnik]. Moscow, 2011.

9. Maidanova L. M. Aggression and verbal aggression [Agressivnost i rechevaya agressiya. Rechevaya agressiya i gumanizatsia obscheniya v sredstvakh massovoy informatsii]. Verbal aggression and humanization of communication in the media. Yekaterinburg, 1997. P. 9–13.

10. Osadchy M. A. The use of linguistic knowledge in the investigation of crimes under article 282 of the Criminal code of the Russian Federation [Ispolzovaniye lingvisticheskikh poznaniy v rassledovanii prestupleniy, predusmotrennykh statyoy 282 Ugolovnogo kodeksa RF. Yuridicheskiy consultant]. Legal Advisor. 2006. № 12. S. 18–23.

11. Popova A. A. Verbal aggression in the media as a way of manipulating the mind of man [Rechevaya agressiya v SMI kak sposob manipulirovaniya soznaniyem cheloveka. Molodoy uchyonyi]. Young scientist. 2015. № 14. P. 697–700.

12. Skovorodnikov A. P. Linguistic violence in contemporary Russian press [Yazykovoye nasiliye v sovremennoy rossiyskoy presse. Teoreticheskiye I prikladnye aspekty rechevogo obscheniya]. Theoretical and applied aspects of speech communication. 1997. Vol. 2. S. 10–15.

13. Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language [Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka]. Moscow, 2011.

14. Shcherbinina Y. V. Russian language: verbal aggression and ways of its overcoming [Russkiy yazyk: rechevaya agresiya I puti eyo preodoleniya.]. Moscow, 2004.

15. Shcherbinina Y. V. Methods of diagnostics of verbal aggression [Metody diagnostiki rechevoy agresii. Prikladnaya psihologiya I psyhoanaliz]. Journal of Applied psychology and psychoanalysis. 2001. № 3.